

Пятитомное издание Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР «Литовский фольклор» (общий объем 4292 стр.) отмечено Республиканской премией 1970 года.¹ Это издание стоит в одном ряду с такими капитальными трудами по литуанистике, как академический «Словарь литовского языка» и пятитомная «История литовской литературы». Лауреатами Республиканской премии стали трое литовских фольклористов — кандидаты филологических наук К. Григас, А. Ионинас и Л. Саука, которые подготовили к печати значительную часть публикуемых фольклорных текстов, написали вступительные статьи к отдельным томам. Большой вклад в определение профиля пятитомника, в решение важнейших научных проблем, связанных с публикацией и комментированием текстов внес главный редактор издания академик К. Корсакас.

Рецензируемое издание — первая в истории литовской науки антология, охватывающая все виды и жанры литовского фольклора. В публикации ряда жанров авторы пятитомника продолжают и развивают богатые традиции; некоторые жанры представлены впервые. Для сбора материала использовались различные печатные источники, а также богатые фонды рукописей литовского фольклора, хранящиеся в Институте литовского языка и литературы. Опубликовано фольклорные тексты, записанные начиная с XVII в. до наших дней. В издании представлены образцы народно-поэтических произведений всех этнографических районов Литвы.

Тексты публикуются на литературном языке. Однако редактирование записей коснулось лишь диалектных фонетических форм; морфологические и лексические отклонения от литературной нормы сохранены; в конце каждого тома имеются специальные словари диалектных слов и архаизмов. К каждому тому приложены также комментарии, где сообщается, кем, когда и от кого записан публикуемый вариант, а также приводятся некоторые существенные соображения певцов, рассказчиков и собирателей. Для сказок и других произведений повествовательного фольклора указывается номер сюжета по каталогу А. Аарне — С. Томпсона (The Types of the Folktale. — «FF Communications», № 184, Helsinki, 1961), по «Каталогу мотивов литовского повествовательного фольклора» (J. Balys. Lietuvių pasakojamosios, tautosakos motyvų Katalogas, Kaunas, 1936), а иногда по каталогам Р. Христиансена. (The Migratory Legends. — «FF Communications», № 175, Helsinki, 1958) и Л. Симонсуури (Typen und Motivverzeichnis der finischen mythischen Sagen. — «FF Communications» № 182, Helsinki, 1961).

Во вступительных статьях к каждому тому характеризуется публикуемый материал, показаны общественные функции конкретных жанров, их место в народной поэтической традиции, выявляется взаимоотношение между родственными жанрами. Делается попытка вскрыть древние пласты и новые наслоения в тематических группах произведений, сравнить литовский материал со сходными произведениями соседних народов.

Первые два тома, вышедшие в свет в 1962 и 1964 гг., посвящены песням и причитаниям. В отличие от предшествующих публикаций песенного фольклора здесь охвачены все важнейшие жанры. Например, значительно более полно представлены календарные песни, некоторые разновидности трудовых песен, плачей. Найдена удачная система расположения материала. В прежних антологических сборниках литовских песен тексты располагались то по этнографическим районам, то по тематике произведений или по их основным мотивам, а иногда и в алфавитном порядке. В сборнике песен, подготовленном Я. Чюрлонице (1957 г.), сделана попытка сгруппировать песни по их обрядовой функции и тематике. В настоящем издании функционально-тематический принцип группировки материала получил дальнейшую разработку; он применен к более многочисленному и разнообразному материалу. Разделы песен соответствуют расположению материала в «Систематическом каталоге литовских народных песен», составленном в Институте литовского языка и литературы. В частности, расположение обрядовых песен по их функции и по месту в конкретном обряде оказалось весьма плодотворным: так яснее выступает назначение песни, смысл ее символики и поэтических образов. Тем самым поэтическое произведение связывается со спецификой его бытования. Внутри разделов и подразделов песни группируются по их тематике.

Однако применение функционально-тематического принципа к трудовым песням привело к известной беспоследовательности. Ведь наряду с собственно трудовыми песнями, которые связаны с определенными сельскими работами, бытуют и чисто лирические песни, изображающие и поэтизирующие какой-либо труд. Иногда, особенно в последнее время, и эти песни называют трудовыми (пахотными, ткацкими и т. п.). В рецензируемом издании обе группы песен составляют один раздел, что по нашему мнению, не вполне правомерно.

Во II-ом томе собраны главным образом любовные и военно-исторические песни. Составители пытаются соотнести военно-исторические песни с конкретными историче-

¹ В работе над отдельными томами участвовали: I т. — В. Бараускене, Б. Казлаускене, Б. Угинчюс; вступительная статья А. Ионинаса; II т. — В. Бараускене, Б. Казлаускене, Б. Угинчюс; вступительная статья Ионинаса; III т. — Л. Саука, А. Сесельските; вступительная статья Л. Сауки; IV т. — Л. Саука, А. Сесельските, Н. Велюс, К. Вишинис; вступительная статья А. Ионинаса; V т. — К. Григас; вступительная статья К. Григаса, Л. Сауки.

скими событиями. Между тем литовские песни этого жанра чрезвычайно слабо отражают историю; в них преобладает лирическое начало, исторические реалии и реминисценции весьма туманны, зачастую их можно истолковать по-разному. А бывает и так, что одна и та же песня, долго бытующая в фольклоре, в народном сознании ассоциируется с различными событиями, недавние войны «оживляют» старую песню и видоизменяют ее. Поэтому задача, которую поставили перед собой составители, чрезвычайно трудна.

В I и II томах «Литовского фольклора» представлена лишь небольшая часть записей литовского песенного творчества — 350 000 единиц. Однако Б. Казлаускас и В. Бараускас, подготовившие к печати материал этих томов, при отборе материала руководствовались составленным ими систематическим каталогом литовских народных песен, поэтому им удалось представить самые характерные для литовского репертуара и ценные в художественном отношении произведения. Причем, предпочтению отдавалось таким песенным произведениям, которые записаны вместе с мелодией. В издании воспроизводятся мелодии большинства публикуемых песен.

В III и IV томах отражен повествовательный фольклор. Материал здесь группируется по жанровым признакам, а внутри жанровых групп — по тематике. В третьем томе вошли сказки о животных, кумулятивные и волшебные сказки. В четвертом томе опубликованы новеллистические и бытовые сказки, легендарные сказки, небыллицы, народные анекдоты. Почти половину этого тома занимает народная проза несказочного характера — этиологические и мифологические сказания, предания, народные рассказы. Здесь же собраны так называемые «рацен», исполнявшиеся во время свадебных обрядов и календарных праздников. Литовские сказки и частично былички довольно широко представлены в более ранних изданиях, но в этих публикациях охвачены не все этнографические районы. Особенно мало опубликовано дзукских сказок (юго-восток Литвы). В рецензируемом пятитомнике представлены сказки всех этнографических районов, хотя жемайтских сказок в нем сравнительно немного: здесь не так широко проводилась запись фольклорных материалов, кроме того репертуар жемайтских сказок несколько уже, чем в других районах. В III и IV тома включены самые значительные типы литовских сказок — от произведений, записанных по 50—60 раз, до известных в единственной записи. Представляется, что было бы полезно в комментариях отметить количество учтенных вариантов сказки, хотя бы на основании имеющихся печатного и картотечного каталогов повествовательного фольклора.

Большинство сказок являются самыми характерными. Из самобытных вариантов в III томе (№ 154) опубликована сказка о Золушке, рассказанная замечательной сказочницей Э. Гончерене: она сильно отличается от других вариантов того же типа, даже записанных на родине сказочницы. Весь репертуар Э. Гончерене резко отличается от распространенных сюжетов, отмечен индивидуальностью сказительницы. Это, вероятно, следовало бы указать в комментариях. Изредка, представляя двумя вариантами излюбленный сказочный сюжет, составители не отмечают, что этот сюжет имеет разные версии. Так, два варианта сказки о муже — уже (А — Th., 425 M) очень похожи друг на друга, хотя эта литовская сказка бытует по крайней мере в трех версиях.

В разделах повествовательного фольклора обращено внимание не только на полноту и типичность сюжета произведения, но и на качество записи. Ценность опубликованных текстов повышается еще и тем, что в издании воспроизведены мелодии многих песенных вставок в сказках.

Предания, народные анекдоты и былички впервые представлены так широко. Опубликованы различные по тематике произведения этих жанров, отражающие их специфику. Многие народные анекдоты имеют социальную направленность.

V-ый том охватывает мелкие жанры литовского фольклора. Это крупнейшая по объему публикация большинства мелких жанров. В V-й том вошло большое количество записей пословиц (5349 единиц) и загадок (2432 единицы). Впервые публикуется довольно большое количество заговоров, различных пародий, звукоподражаний, заклинаний, скороговорок, восхвалений товаров на ярмарках и т. д. Материал также расположен по жанровым и тематическим группам.

Ученые признали преимущества тематической группировки пословиц и поговорок, так как она показывает круг жизненных вопросов, которых коснулся народ, дает возможность сравнить разные народные изречения об одном явлении и т. п. Однако применять этот принцип группировки чрезвычайно трудно, поэтому мало кто решается публиковать большое количество пословиц. Ведь прежде чем распределить народные изречения по тематике, нужно установить их смысл. Пословицы, как правило, полисемантичны. Работу К. Григаса по тематической классификации пословиц и по разработке четкой системы отсылок для полисемантичных пословиц, в целом следует признать удачной. Можно спорить о правильности толкования отдельных изречений и правомерности отнесения их к той или иной тематической группе, можно найти случаи, когда пословица употребляется и в таком смысле, который не указывается в издании. Однако стремление посредством расположения материала осветить социальные и этические взгляды народа, его жизненную философию не может не вызвать одобрения.

Обычно говорят, что при тематическом расположении материала трудно найти нужную приблизительно известную пословицу. Чтобы избежать этой трудности, в V-ом томе есть вспомогательный указатель смысловых слов, встречающихся в пословицах: он помогает найти конкретное изречение, сопоставить его с напечатанными рядом вариан-

тами, а по его месту в определенном тематическом разделе — лучше понять его смысл.

Загадки тоже группируются по их тематике (по отгадкам). Сходные загадки, имеющие различные отгадки и поэтому оказавшиеся в разных тематических группах, соотнесены при помощи отсылок. Рядом с пословицами и загадками указано место записи, а в комментариях имеются замечания информаторов или собирателей, поясняющие смысл пословиц или помещен контекст, из которого взято изречение.

В V том вошли также народные танцы и игры, имеющие поэтический текст. Учтена синкретичность таких произведений. Воспроизводятся описания игр и танцев и их мелодии. Даже такая выборочная публикация дает представление о богатстве литовской народной хореографии, о народных развлечениях.

Пятитомное издание «Литовский фольклор» сделало доступными для изучения и для практического использования много фольклорных произведений. Среди них многие смело можно причислить к классическому фольклорному наследию.

Б. Кербелите

Сказки Терского берега Белого моря. Издание подготовил Д. М. Балашов. Отв. редактор Э. В. Померанцева, Л., 1970, 447 стр.

Д. М. Балашов с 1957 г. ведет полевую работу на Терском берегу. Цель ее, как формулирует сам автор, — представить по возможности полно и целно народную культуру этого региона. Уже вышли сборник нотированных свадебных песен¹, рецензируемый сборник; планируется издать также сборник лирических песен.

Рецензируемая работа — самый крупный сборник русской народной прозы за последние десять лет, — включает предисловие составителя и его вступительную статью «Сказочники и сказочная традиция на Терском берегу», тексты (161 номер), опись всей коллекции (248 номеров), указатель сюжетов по системе Аарне-Андреева, словарь местных слов и выражений.

Вступительная статья, к сожалению, очень краткая, знакомит читателя с историей народов, населяющих Терский берег. Автор описывает свои встречи со сказочниками, определяет истоки формирования их репертуара, сопоставляет репертуар терских сказочников с репертуаром сказочников других русских областей, с прозой соседних карел и саамов. Автор удачно использует языковые материалы. Он умеет видеть и слышать, умеет бережно и чутко передать увиденное и услышанное читателю. Картины недавнего прошлого и современного быта, портреты людей (каждый «на osobинку») у Д. М. Балашова получились живыми, «производительными». Ему удалось подметить и передать тем, кто еще не бывал на Русском Севере, величавую простоту и естественную ласковость, добродушную самоиронию, точность и силу слова, почувствовать все это не как экзотику, а как норму и родной культуры.

Сведения Д. М. Балашова о соотношении разных групп прозы в терском репертуаре и об их отношении к общерусскому репертуару представляются объективными, так как они подтверждаются аналогичными результатами фольклорных экспедиций МГУ в районы восточной Карелии, от Белого моря до Вологодчины, и западную часть Архангельской области. Так, на Терском берегу зарегистрировано 20 сюжетов сказок о животных и 100 сюжетов волшебных сказок (собирателями МГУ почти в тот же период отмечено 40 сюжетов о животных и 140 сюжетов волшебных сказок).

И Балашов, и другие исследователи отмечают, что былички неизмеримо популярнее легендарных сказок с христианской тематикой, а бытовые сказки и анекдоты рассказываются чаще, нежели сказки новеллистические.

В целом волшебные сказки и былички доминируют над другими сюжетами. А это значит, что сбор материала проводился, главным образом, среди людей, в быту которых были живы традиции народной культуры. Однако на основании ремарок в текстах мы можем говорить об отходе от некоторых народных традиций и об изменении в сознании рассказчиков. Об этом же говорят и внутрижанровые изменения, сказывающиеся в стремлении к реалистичности, что сближает их с бытовыми сказками.

Тексты, изданные Д. М. Балашовым, несомненно войдут в широкий научный оборот, ибо, не говоря уже о достоинствах текстов, рецензируемым сборником, по существу, открыт новый район бытования русской народной прозы.

Вполне правомерно включение в сборник, наряду со сказками, быличек, среди которых имеются очень интересные образцы. Например, быличка «Проклятая жена» (№ 12) по своим качествам является ступенькой эволюционного развития восточнославянских быличек о змее-любовнике и перекликается с болгарскими мифическими песнями на ту же тему.

Сборник «Сказки Терского берега» издан в соответствии с критериями, предложенными В. Я. Проплом и реализованными им при публикации северорусских записей

¹ Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Составители Д. М. Балашов и Ю. К. Красовская, Л., 1969.